

— Какой еще тесть? — Гуань Хаобинь растерянно улыбнулся. — Вы это о ком вообще?

— Ой, да ладно тебе дурачка включать! — дружно хохотнули Лю Тяньпин и Ци Фэй. — Про это не то что Бригада Худун — все городское управление полиции в курсе.

— Да объясните толком, кто из начальства едет-то?

— Замначальника Муниципального отряда полиции Сюй Тяньхуа и начальник отдела регулирования Хэ. — Лю Тяньпин заговорщически подмигнул.

Гуань Хаобинь изобразил крайнее изумление:

— Хотите сказать, что мой тесть — это начальник Хэ Чжэн?

Хэ Чжэн руководил отделом организации дорожного движения в Муниципальном отряде полиции. По долгу службы он частенько навещался к ним с инспекциями и успел примелькаться каждому постовому.

— Тьфу, ну и каша у тебя в голове! Или придуливаешься? — Ци Фэй приложил ладонь ко лбу. — Хэ Чжэн разве в том возрасте, чтобы зятем обзаводиться? К тому же у него пацан растет, лет одиннадцати-двенадцати. Ему если и метить в твоего тестя, то лет через десять, не раньше, да еще и сына заставить пол сменить.

— Молодой господин Гуань, кончай ломать комедию, — Лю Тяньпин, вымахавший под метр девяносто, по-дружески взъерошил Хаобиню волосы.

— Так вы про капитана Сюя? — Хаобинь попытался пригласить растрепавшуюся шевелюру. — С чего вдруг? Почему вся округа в курсе, а я, главный виновник торжества, ни сном ни духом?

— Да-да, пой еще, — хмыкнул Ци Фэй. — «Ни сном ни духом» он. Да ты просто тихушник! Бьешь в гонг ватной колотушкой — шума вроде нет, а весть летит по всему свету.

— Ну и бред. То, что дядя Сюй дружит с моим отцом, еще ничего не значит. Хватит сплетни разносить.

Сюй Тяньхуа и отец Хаобиня, Гуань Цзюньсун, были земляками и вдобавок бывшими военными. Сошлись они быстро: стоило раз пересечься на застолье земляков, как завязалась крепкая дружба. Тяньхуа искренне уважал старшего товарища, величая его не иначе как «старшим братом», и, естественно, перенес это отношение на его сына. Хаобиню частенько перепадала ненавязчивая забота с его стороны. Поскольку этот колоритный мужчина был частым гостем в их доме, Хаобинь никогда не воспринимал его как высокое начальство из Муниципального отряда полиции. Да и сам Тяньхуа субординацию не разводил, по-свойски называя парня Хао-эром. Не будь Хаобинь столь ленив и лишен карьерных амбиций, он при такой протекции давно

бы протирал штаны там.

В прошлом Сюй Тяньхуа служил не в дорожной инспекции, а в отделе по борьбе с наркотиками. Из-за своей брутальной, далекой от канонов внешности — смахивал он то ли на мясника, то ли на прожженного бандита — он идеально подходил для работы под прикрытием. Отчаянный, но дьявольски осторожный, Тяньхуа почти два года вел двойную жизнь, внедрившись в банду крупнейшего наркобарона провинции. Когда синдикат накрыли, его личность рассекретили. Из соображений безопасности руководство перевело ценного кадра в Муниципальный отряд полиции, где он за пару лет дослужился до заместителя начальника, взяв под крыло дорожный надзор и спецвзвод быстрого реагирования.

— Так, значит, замначальника Сюй на короткой ноге с твоим родителем, богачом Гуанем? — Лю Тяньпин бесцеремонно закинул руку Хаобиню на плечо.

— Да, они дружат, — с самым невинным видом кивнул Хаобинь. — Именно поэтому наше управление на каждый Новый год за просто так получает от «богача Гуаня» отборный рис, подсолнечное масло и горы сладостей.

— До праздников еще пахать и пахать, так что масло с рисом подождут, — Лю Тяньпин притворно прокашлялся. — Ты мне зубы не заговаривай. У Сюя ведь есть дочь, в курсе?

— Знаю, конечно. Сюй Цзяхуэй. Имя звучит один в один как тот знаменитый торговый район в Шанхае — услышишь раз, уже не забудешь.

— И девчонка — чистый мед, согласишься? — не унимался Лю Тяньпин, включив режим заботливой тетушки.

— Ну красивая уродилась, и что с того? Мне-то какая забота? Шанхайский Сюйцзяхуэй тоже красив и процветает, мне это себе в заслугу записать?

Лю Тяньпин театрально закатил глаза:

— Девице пошел двадцать четвертый годок, и она до сих пор не замужем. Это-то ты знаешь?

— Честное слово, понятия не имею. Я простой гаишник, а не инспектор паспортного стола, — Хаобинь замотал головой.

— Ну точно, два сапога пара с твоим будущим тестеем, — встрял Ци Фэй с ухмылкой. — Помнишь, чем замначальника Сюй раньше промышлял? Годами жил под чужим именем, заправский шпион!

— Это дела давно минувших дней, мне-то что до этого?

— Да то, что ты перенял его мастерство маскировки! Партизан заправский, комар носа не подточит, — Ци Фэй картинно восхитился.

— Да уж, комар носа не подточит... — вздохнул Хаобинь.

«Подумаешь, пару раз поужинали семьями. Как из обычных посиделок умудрились раздуть грядущую свадьбу?»

Разговор прервал зычный, как раскат грома, окрик за спиной:

— Совсем без дела завшивели? Что за бабские сплетни у дверей? Сейчас начальство из Муниципального отряда полиции войдет, а вы тут застыли, как каменные львы у ворот!

Оборачиваться не требовалось — этот рык принадлежал инструктору Лю Дабао. Троица дружно прикусила языки и пулей юркнула в актовый зал.

Повестка собрания оказалась предсказуемой: через два дня в Цинюань прибывал с визитом какой-то столичный чиновник, так что требовалось обеспечить усиленный режим безопасности и перекрыть ключевые развязки. Хаобинь слушал вполоборота. Все равно конкретные задачи нарежут позже, так смысл сейчас забивать голову? Пока Сюй Тяньхуа и Хэ Чжэн на трибуне читали доклад, срывая голоса, парень откровенно витал в облаках.

Перед глазами снова всплыли картины полуденного кошмара. Ему опять снилось, будто он падает в реку. Вода смыкалась над головой, утягивая на глубину. Кругом стояла мертвая, давящая тишина. Он отчаянно барахтался, но тело не слушалось, а легкие уже жгло от нехватки воздуха. И прямо в тот миг, когда вода готова была залить лицо, в мутной толще показался знакомый силуэт. Родинка у левой брови — яркая, приметная. Хаобинь во сне закричал от радости, отчаянно замахал руками: «Брат Дундун!» Но тот даже не повернулся. Словно не замечая тонущего друга, он молча прошел мимо и растворился во тьме.

Хаобинь тихо вздохнул. Сколько лет его не мучили эти кошмары? Где сейчас брат Дундун? Жив ли, здоров? Раньше во снах его лицо казалось четким, детальным, а теперь стерлось, превратилось в размытое пятно. Память удержала лишь эту приметную родинку. Встретятся они сейчас на улице — прошли бы мимо, не узнав друг друга.

Приснившийся ему парень, Чжэн Дундун, когда-то рос вместе с ним в одном приюте.

До того как в девятилетнем возрасте его усыновили супруги Гуань, мальчика звали Дан Пин. Родные родители бросили младенца прямо на обочине дороги. Его нашел дворник, и соцзащита определила подкидыша в городской детский дом. Никаких памятных вещей при нем не оказалось — лишь клочок бумаги с датой рождения. В те годы в приюте действовало негласное правило: безымянным сиротам давали фамилии по трем иероглифам — Чжэн, Фу или Дан, меняя их каждый год по кругу. В тот год, когда Пин попал в детский дом, как раз подошла очередь фамилии Дан. Вместе с ним в приют привезли ровесницу — девочку с заячьей губой.

Пожилая нянечка, матушка Цянь, нарекла мальчика Дан Пином, а его спутницу по несчастью — Дан Фань.

Едва начав соображать, маленький Пин хвостиком ходил за старшим приютским мальком — Чжэн Дундуном, который взял его под свою опеку. Стоило кому-то из ребят обидеть кроху, как Дундун с кулаками бросался на обидчика, устраивая драку не на жизнь, а на смерть, так что воспитатели едва могли их растащить.

Как-то на Новый год приют был взбудоражен визитом одного из городских чиновников, приехавшего со стандартной благотворительной миссией. Детям раздали нехитрые подарки: школьные тетрадки, карандаши и по большому спелому яблоку. Пин никогда в жизни не видел такой красоты и не чувствовал столь упоительного аромата — фрукт исчез в его желудке за пару минут. Видя, как сладко зажимывается младший, Дундун сглотнул слюну и молча протянул ему свое яблоко. Пин решил приберечь угощение до вечера, чтобы съесть его вместе с названным братом, и припрятал под подушку.

Однако заначку заметил один из старших детдомовцев. Когда мальчишки застучали воришку, уплетающего чужое добро, Пин бросился отнимать яблоко. Верзила грубо толкнул его, Пин полетел на пол и больно приложился головой о железную ножку кровати. Выскочившая шишка мгновенно разозлила Дундуна. Не обращая внимания на то, что соперник был вдвое крупнее, он с ревом кинулся в драку. Его нещадно били, лицо превратилось в сплошной синяк, но он так и не разжал пальцев, мертвой хваткой удерживая вора. В наказание воспитатели заставили обоих драчунов простоять в углу всю ночь. Но с тех пор ни один приютский заводида не смел трогать Пина, а его пайку больше никто не пытался отобрать.

Сколько Пин себя помнил, вплоть до самого усыновления он оставался тенью Чжэн Дундуна. Они делили одну тарелку, играли в одни игрушки и спали под одним одеялом, согревая друг друга.

Однажды выдалась аномально холодная зима. Приют накрыла волна тяжелого гриппа. Слабые дети один за другим слегали с бредящим жаром. На звонки в больнице отвечали сухо: из-за снежных заносов и непроглядной метели скорая пробиться не сможет. Дежурному врачу оставалось лишь диктовать по телефону нехитрые советы и молить персонал продержаться до рассвета.

Пин тоже подхватил заразу. Жар терзал его тельце, не спадая ни на градус. Дундун, игнорируя окрики дежурных нянек, ни на шаг не отходил от постели друга. Видя, как тот мечется в лихорадке, он стащил из шкафов всю одежду, какую смог найти, забил ею постель, а сам залез внутрь и крепко обнял Пина, согревая собственным теплом. Когда Пин наконец пропотел, Дундун передел его в сухое и снова укутал. К утру Пину стало легче, но сам спаситель свалился без сил с тяжелейшим жаром.

К счастью, днем сквозь сугробы пробился врач. Но двое малышей ту долгую, ледяную ночь пережить не смогли. Одним из них была Дан Фань, девочка с заячьей губой. Матушка Цянь билась над ней до рассвета, но малышка умерла прямо у нее на руках.

Чудом выкарабкавшись с того света, Хаобинь привязался к Дундуну еще сильнее. Кроме матушки Цянь и старшего брата, он практически ни с кем не разговаривал. Из-за вечной нехватки рук и обилия больных детей приют заменял сиротам начальную школу. Уроки вели волонтеры, но чаще всего старшие ребята просто подтягивали младших. Лишь когда подходил возраст средней школы, детей отправляли на учебу в ближайшее учебное заведение. Когда Дундун начал ходить на уроки в город, Хаобинь целыми днями простаивал у железных ворот приюта, высматривая его фигуру на дороге. Стоило Дундуну вернуться, как они усаживались в углу: старший терпеливо учил его грамоте и пересказывал услышанные за день истории.

После того как его усыновили, жизнь изменилась круто — приютский быт и роскошь нового дома соотносились как лед и пламя. Супруги Гуань Цзюньсун и Тан Лань окружили приемыша такой фанатичной заботой, что у мальчика шла кругом голова. Одежда, еда, игрушки — покупалось исключительно все самое дорогое и лучшее. Из него буквально лепили изнеженного барчука, и поначалу Хаобинь просто терялся от такого изобилия. Даже с его новым именем вышла забавная история. Отец настаивал на звучном «Гуань Хао», а мать считала, что мягкому характеру мальчика больше подходит домашнее «Бинь-бинь». Спорили долго, пока не пошли на компромисс, объединив оба варианта в «Гуань Хаобинь». Впрочем, отец до сих пор звал его Хао-эром, а мать ласково величала исключительно Бинь-бинем.

Постепенно страх и неуверенность отступили перед лавиной родительской нежности. Шли годы, Хаобинь окончательно влился в семью и стал считать приемных родителей родными. Тан Лань избаловала его до невозможности: парень рос классическим белоручкой. За четыре года учебы в полицейской академии он не постирал вручную ни одной вещи — все мешками отправлялось в химчистку, а родители раз в неделю навещали его, привозя кучу нужных и ненужных вещей. Ему уже перевалило за двадцать три, а мать по-прежнему заботливо готовила ему белье перед душем, чистила уличную обувь и раскладывала домашнюю одежду. Как метко шутил Ци Фэй, лиши Хаобиня родительской опеки — и он моментально превратится в беспомощного бытового инвалида.

Вдобавок у Хаобиня имелся гиперопекающий кузен — Тан Шаочуань, чья забота порой переходила всякие границы здравого смысла. Стоило Хаобиню чихнуть или подхватить легкий насморк, как кузен, бросив все дела, обрывал телефон ежечасными расспросами. В первый рабочий день Шаочуань презентовал брату новенький спорткар. Хаобинь наотрез отказался садиться за руль столь кричащей машины, и кузен, не говоря ни слова, заменил подарок на куда более скромный внедорожник. Как подкалывал его общий знакомый Дин Мо: «Если бы Шаочуань тратил на своих жен хотя бы половину того внимания, что уделяет Хаобиню, они бы от него не сбегали».

Первое время после переезда Хаобинь отчаянно тосковал по приюту. Ему каждую ночь снились Дундун и матушка Цянь, он даже подумывал сбежать обратно. Но видя искреннюю любовь новых родителей, мальчик устыдился своих мыслей, посчитав их предательством. Он стал сознательно глушить воспоминания, и со временем старые раны затянулись, образы поблекли, а желание возвращаться в прошлое пропало само собой.

Хаобинь с досадой хлопнул себя ладонью по лбу. Что за наваждение? С чего вдруг старые призраки полезли наружу? Ведь он даже лица этого Чжэн Дундуна толком не помнит, только приметную родинку у брови.

«Господи, если это какой-то знак, подай его попроще, не заставляй меня зря сушить мозги!»

Но еще хуже было другое: просыпаясь в холодном поту, он в бреду звал брата Дундуна. Если родители слышали... Им наверняка до смерти обидно. Столько лет заботы, а он в кошмарах бредит приютским прошлым. Хаобинь совсем пал духом и принялся яростно ерошить волосы, превращая аккуратную прическу в форменное воронье гнездо.

— Слышь, будущий тесть так распинается, прямо за душу берет, а у тебя лицо такое, будто у тебя жесточайший запор, — тихонько шепнул Ци Фэй, заметив, как сидевший рядом Хаобинь ушел в глухую несознанку и принялся терзать собственную шевелюру.

— Отвяжись, я государственные дела обдумываю, план развития страны на пятилетку верстаю, — буркнул Хаобинь, даже не повернув головы.

— Ну-ну, не буду мешать великим свершениям государственного масштаба, — хмыкнул Ци Фэй, прекрасно знавший характер приятеля, и послушно выпрямился.

Собрание, призванное поднять боевой дух перед визитом высокого гостя, продлилось недолго — уложились меньше чем за час.

Когда люди начали расходиться, Хаобинь уныло поплелся к выходу в общей толчее. Но стоило ему дойти до дверей, как со стороны трибуны прогремел зычный голос Сюй Тяньхуа:

— Зятек! Погоди-ка, не беги так быстро!

Шедшие рядом девушки-коллеги тут же прыснули со смеху, пряча улыбки за ладонями. Хаобинь включил режим полной глухоты и прибавил шаг, буквально наступая на пятки впереди идущей сотруднице. Со стороны могло показаться, будто он самым наглым образом пытается к ней притереться в толпе.

Однако «Пушка Сюй» и не думал униматься. Он взял ноту повыше и гаркнул на весь зал:

— Офицер Гуань! Зять мой будущий! Тебе особое приглашение нужно?

Актный зал так и лег от хохота. Сотни глаз уставились на несчастного Хаобиня. Парень мгновенно залился краской, став похож на вареного рака.

«Ну и ну, дядя Сюй... — в отчаянии подумал он. — Ты же целый подполковник, заместитель начальника Муниципального отряда полиции! Где твоя служебная солидность и хоть капля такта?»

<http://bllate.org/book/18980/1869613>